

Научная статья

УДК 81/811

doi: 10.17223/19986645/95/8

Ранее неизвестные польские заимствования в армянских судебных протоколах города Каменца (XVI в.)

Гурген Кипронович Хачатрян¹, Светлана Сережаевна Барсегян²

^{1, 2} *Ванадзорский государственный университет, Ванадзор, Республика Армения*

¹ *gxachatryan@yahoo.com*

² *svetlana-barsegyan@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются заимствования из среднепольского языка в лексике армянской диаспоры Польши, которые были зафиксированы в протоколах автономного суда армянской общины города Каменца. Выделено около двадцати заимствованных слов и разделены на группы в зависимости от характера заимствования. Каждая лексическая единица изучена в отдельной словарной статье с указанием года ее первого или единственного употребления, значения, начальной формы, частеречной принадлежности, частотности употребления и вариантов. Приведены фонетические варьирования в заимствующем языке.

Ключевые слова: прямое заимствование, опосредованное заимствование, чередование звуков, судебный протокол, армянский диалект, среднепольский язык, среднеармянский язык, армянская колония в Польше, говор польских армян

Для цитирования: Хачатрян Г.К., Барсегян С.С. Ранее неизвестные польские заимствования в армянских судебных протоколах города Каменец (XVI в.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 95. С. 147–163. doi: 10.17223/19986645/95/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/95/8

Previously unknown Polish borrowings in Armenian court protocols of the city of Kamianets (16th century)

Gurgen K. Khachatryan¹, Svetlana S. Barseghyan²

^{1, 2} *Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia*

¹ *gxachatryan@yahoo.com*

² *svetlana-barsegyan@yandex.ru*

Abstract. Some concrete scientific achievements were registered in studies of Armenian vocabulary in the 19th and 20th centuries. First of all, this concerns borrowings in the lexicon of the Armenian diaspora in Poland, which were documented in the Middle Ages, especially in the Protocols of the autonomous court of the Armenian community in the city of Kamianets. The analysis of the vocabulary of the Protocols showed that Polish Armenians, and in particular Armenians of the city of Kamianets, who lived

long together with Poles and Ukrainians and had various everyday communication contacts with them, borrowed numerous lexical units from Middle Polish (i.e., Polish borrowings from the Middle Polish language, through Polish from other languages, and from Polish through other languages) and Ukrainian in the new conditions. These borrowings are interesting because they did not become part of the general Armenian vocabulary, but were used only in the local patois of Polish Armenians. These patois are a particular manifestation of the Ardeal (Transylvanian) dialect, which occupies an intermediate position between the eastern and western zones of Armenian dialects. The dialect of Ardeal had four branches spoken by immigrants emigrating and re-emigrating from Armenia and other places in the Armenian colonies in Poland, Hungary, Suceava and Romania. The above-mentioned geography and the fact that Armenians in the colonies came from different regions led to the fact that the dialect of Ardeal began to differ due to the heterogeneity of linguistic conditions. Therefore, we use the term "patois of Polish Armenians" only conditionally, because in the conditions of low linguistic material it is difficult to consider the "Polish Armenian" language and the language of the Armenians of Kamianets as patois. The primary objective of this article is to investigate the lexical units that (a) were used in the aforementioned Protocols but were not documented either in the Dictionary of the Middle Armenian Language or in other academic research; (b) were noted in certain research, but a need exists for a new study of their modes of expression or content. The research was mainly carried out using the comparative and descriptive-analytical methodologies. The Protocols give a rather comprehensive picture of the Armenian colony in Poland – of adaptation to the new environment, in some cases of complete integration, as evidenced by dozens of borrowings related to various spheres of public life: justice and law, finance and economy, clergy, commerce and economy, household, etc. It should be noted that the borrowings took place in two ways: directly (from the Polish language) and indirectly (through Polish from other languages and from Polish language through other languages). The Protocols contain a heterogeneous phonetic system and grammatical means of expression of the lexical layers of Old and Middle Armenian. The observed mixed transliterations may also be attributed to the inconsistency in the court clerks' language and dialectal distinctions, or to the consequence of the subjective interpretation of the word meaning.

Keywords: direct borrowing, indirect borrowing, alternation of sounds, Kamianets, court protocol, dialect of Ardeal (Transylvania), Middle Polish language, Middle Armenian language, Armenian colony in Poland, patois of Polish Armenians

For citation: Khachatryan, G.K. & Barseghyan, S.S. (2025) Previously unknown Polish borrowings in Armenian court protocols of the city of Kamianets (16th century). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 95. pp. 147–163. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/95/8

Введение

В XIX–XX вв. в области изучения лексики армянского языка были зафиксированы определенные научные достижения. Это касается прежде всего заимствований в лексике армянской диаспоры Польши, которые были отмечены в Средние века, в частности, в протоколах [1–5]. Однако по ряду направлений в данной области продолжают сохраняться лакуны, что лишний раз является свидетельством актуальности указанной темы.

Армяне-переселенцы, мигрировавшие на всем протяжении Средних веков в Польшу (в 1569–1795 гг. – Речь Посполитая) и на сопредельные тер-

ритории, в ряде колоний (Яс, Каменец, Илов и др.¹), где проживали крупными общинами, имели самоуправление, в том числе и национальный независимый суд². К сожалению, из документов, отражающих судебные процессы, чудом спаслась и до наших дней дошла только часть протоколов автономного суда армянской общины города Каменца³. Эти протоколы, собранные приблизительно в трех десятках рукописных журналов, сегодня имеют особую ценность, так как описывают события, которые произошли более четырех веков назад. Около 370 протоколов, которые охватывают период с 1559 по 1575 г., в 1963 г. отдельной книгой издал В. Григорян [6]. Эти документы, имеющие своеобразную структуру и содержание, представляют собой исключительную ценность не только для изучения истории армянской диаспоры, отражения межкультурных связей и т.д., но и с чисто лингвистической точки зрения [6. С. 6].

Обращаясь к языку протоколов, В. Григорян пишет: «Секретари судов в целом стремились писать на древнеармянском языке, однако это им не всегда удавалось: по этой причине часть протоколов оформлена на повседневном разговорном языке армян из города Каменца, что повышает ценность этих материалов. Язык окружающих людей, без сомнения, оставил свой след в повседневном разговорном языке: в нем нашли отражение многочисленные лексические единицы из кыпчакского, польского и украинского языков» [6. С. 46].

Можно отметить некоторые особенности языка протоколов:

1. В протоколах не соблюдаются единые нормы фонетического оформления слов и грамматической структуры выражения лексических единиц. Главным неоспоримым фактом, способствующим этой неоднородности, является то, что колония польских армян, хотя и существовала с незапамятных

¹ В XVI в. польские армяне именно так употребляли названия этих городов Румынии – Яссы (Iasi) и Украины – Каменец-Подольский (Кам'янець-Подільський), Львов (Львів).

² Об этом В. Григорян пишет: «Известно, что в основе прав польских армян лежит «Судебник» Мхитара Гоша, который в переводе на латинский был представлен польскому царю Сигизмунду I и с некоторыми изменениями и дополнениями утвержден им в 1519 г.» [6. С. 54].

³ В городе Каменце существовали три автономных общины – польская, украинская и армянская [6. С. 32]. В середине XVI в. армянская община представляла собой объединение разных поколений эмигрантов: это и потомки тех людей, которые переселились сюда из разных территорий 4–5 веков назад, и переселенцы, осевшие в Каменце сравнительно недавно – в течение XV–XVI вв. В. Григорян приводит также факт принятия польского гражданства армянами, эмигрировавшими в Каменец из Западной Армении в 1575 г. [6. С. 66]. С нашей стороны добавим историю о переселенце-армянине, который в Каменце имел уже совершеннолетнего наследника. Речь идет о слепом Вартко, который перед смертью явился в суд и часть своего имущества пожертвовал церкви, одновременно отметив, что значительную долю своего имущества перед этим он отдал сыну, чтобы тот после его смерти никак не препятствовал его решению, так как «свое имущество он привез не из своей страны (Армении), а выпрашивал у верующих христиан» (прот. 297).

времен¹, тем не менее постоянно пополнялась новыми переселенцами, прибывавшими из разных областей Армении, исключением не является и исследуемый нами период – XVI век. Это объясняется тем, что Каменец занимал выгодное географическое и торгово-экономическое положение в регионе. Естественно, что армяне-переселенцы были носителями своих определенных диалектов, поэтому можно предположить, что в языковом отношении они существенно отличались от тех своих соотечественников, которые уже несколько веков жили в этой новой среде.

2. Ряд протоколов представляют особую ценность, так как они полностью или частично написаны армянской графикой на кыпчакском языке (прот. 8, 28, 475) или армянской графикой на польском языке (прот. 43, 164). Помимо этого, существуют документы, написанные на других говорах армянского диалекта (прот. 386), и т.д.

В лексиконе протоколов польские заимствования представлены в большом количестве, которые отличаются разной частотностью употребления. Хотя большая часть заимствований нашла место в «Словаре среднеармянского языка» (ССЯ), другая часть слов – в авторской работе В. Григоряна (в списке иностранных слов) [6. С. 334–336] и в вышеупомянутой статье С. Григоряна, однако ряд лексических единиц по-прежнему остается вне поля зрения исследователей. В их числе:

- а) прямые заимствования из польского языка;
- б) опосредованные заимствования, в частности:
 - из других языков через польский язык;
 - из польского языка через другие языки.

Цель статьи – исследовать те лексические единицы, которые:

- а) были употреблены в вышеуказанных протоколах, однако не засвидетельствованы ни в ССЯ, ни в приведенных исследованиях;
- б) зафиксированы в каком-либо исследовании, однако существует необходимость в новом изучении их плана выражения или плана содержания.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

¹ Согласно А. Айтыняну, из Армении было осуществлено две крупные миграции в Польшу. Первая произошла в XI веке, после падения царства Багратидов, примерно с 1060 г., вторая – приблизительно спустя четыре века после первой [7. С. 162]. Последующие исследователи находят, что миграции и реэмиграции армян в Польшу начались в XIII в., когда Крым «подвергся разрушительным нашествиям татаро-монгольских орд, и многие из армян, живущих в Крыму, вынуждены были оставить полуостров и двинуться по направлению к Молдове, Валахии, Подолии, Галиции и еще дальше – в Польшу. Фактически Крым стал тем связующим мостом, по которому армяне двинулись в сторону Польши. Примерно в это же время в Польшу эмигрировала также большая часть армянского населения Левобережной Украины и Киева. У польского хронолога Яна Альпреха есть интересное свидетельство о том, что в 60-х гг. XIII в. Галицкий князь Даниил пригласил армян жить в основанном им городе Львове» [8. С. 64].

а) выделить из протоколов те польские заимствования, которые отвечают целям исследования, и разделить на группы в зависимости от характера заимствования (прямого или опосредованного);

б) каждую из выделенных лексических единиц представить в отдельной словарной статье, указывая год первого или единственного употребления указанного слова, значение, начальную форму в польском или в других языках, частеречную принадлежность, частотность употребления и варианты;

в) привести для всех этих слов фонетические варьирования в заимствующем языке¹;

г) обобщить результаты исследуемого материала.

Исследование в основном было проведено сравнительно-сопоставительным и описательно-аналитическим методами.

Прямые заимствования из польского языка

Среди прямых заимствований из польского языка отметим:

а) существительное *бани* [bani] (польск. – pani) (1573 г.) – употребляется как уважительное обращение к замужней женщине. Данная единица была употреблена восемь раз (прот. 196, 271, 277, 331, 445) в сочетании «*րիւիհ լգիգրնյ*» [bani ažižk'ou] («пани Азизко»). Хотя в протоколах упоминается множество армянков (см.: [4. С. 152–155, 159–160]) и имеется также единичное употребление синонимичного заимствованному слову «пани» исконно армянского уважительного обращения *тикин* [tikin] (прот. 138) – «*տիկին Օլշիշի*» [tikin òluš'ka] («пани Олушка»), однако заимствование *бани* [bani] во всех употреблениях как сопроводительное слово выступает только в сочетании с собственным именем армянки *Азизко*². В других источниках находим сведения о том, что пани Азизко и ее муж, господин Григор, были очень богаты (в прот. 445 перечисляется их имущество) и занимались благотворительностью [10. С. 36–37]. Это еще раз подтверждает мысль о том, что маркированным употреблением уважительных обращений *бани* [bani] и *тикин* [tikin] осуществлялась имущественно-социальная дифференциация различных групп населения [5. С. 95];

¹ У С. Григоряна есть наблюдения о звуковых варьированиях польских заимствований, которые, однако, он представил в общих формулировках [3. С. 57].

² Кстати, в протоколах слова *бан* [ban] («пан») и *парон* [paɾon] («господин») применительно к мужчинам польской и армянской национальности также употребляются. Слово *бан* [ban] («пан») применительно к мужчинам польской национальности употребляется чаще (*бан Еан Мидрорка* [ban ean midròrka], *бан Ентрий* [ban entriy] и др.), в то время как по отношению к армянским мужчинам имеет строго ограниченное употребление. Вместо слова *пан* [pan] в данном случае употребляется уважительный титул *baron* («князь», «господин» и др.), заимствованный из французского языка [9. С. 648], который в среднеармянском языке употреблялся с параллельным вариантом *парон* [paɾon] («господин») или *парун* [paɾun], например: *парон Дукалпей* [paɾon dukalpëy], *парун Никол* [paɾun nikòl], *парон Филипп* [paɾon p'ilib] и др.

б) существительное *банов* [banov] (1574 г.) – от польского слова *panew* со значением «неглубокая металлическая кастрюля, сковорода, посуда» [11. S. 394; 12. S. 410]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 445) в перечне хозяйственных товаров (в значении «металлическая посуда») в сочетании «Д (4) *банов*» [4 banov] («четыре металлические посуды»);

в) существительное *бровот* [brovot] (1573 г.) – от польского слова *growod* < *growad(y)* (засвидетельствовано в XV в.) в значении «первое воскресенье после Пасхи» [11. S. 439]. Данное слово было употреблено 5 раз (прот. 82, 93, 303, 523, 535) и встречается в судебных протоколах разных годов (1573–1575 гг.), составленных в марте в период после Пасхи, и только в сочетании «*бровотен етев*» [brovotēn yetew] («после первого воскресенья Пасхи»)¹;

г) прилагательное *букласдый* [buk'lasdøy] (1574 г.) – от польского прилагательного *pukłasty* («круглый», «выпуклый»), образованного от существительного *pukeł*, *pukła* «округлость», «выпуклость»² суффиксальным способом [11. S. 447]. Данное слово было употреблено два раза (прот. 445) в сочетании «А (один) *серебряный ремень букластый*» [1 arçt'ē gōti buk'lasdøy] («один серебряный выпуклый ремень»)³. Указанное заимствование в том же протоколе всего через две строки было употреблено также как признак слова «чашка», однако в варианте «*пукластый*» [puk'lasdøy];

д) существительное *еаловица* [ealovic'a] (1575 г.) – от польского слова *jałowizna* [13. S. 432] – было употреблено один раз (прот. 565) в сочетании «Т' [t'] (9) *голов волов и А (1) еаловицамый*» [9 glux yez yev 1 yealovic'amøy] («девять голов волов и одна телка»). В Словаре среднеармянского языка это слово встречается не в форме *еаловица* [ealovic'a], а *еаловицамый* [ealovic'amøy] со значением «яловая, бесплодная корова» [9. С. 177]. На самом деле: а) первичное значение слова *jałowizna* – «молодой, еще не родивший крупный рогатый скот – телка, теленок» [13. С. 432]; б) последняя часть слова (мый) [møy] является не словообразовательным аффиксом, как неправильно полагают авторы ССЯ, а артиклем неопределенного значения. Дело в том, что в среднеармянском языке грамматическое значение неопределенности выражается не только нулевой морфемой, но и неопределенным местоимением «ми» («какой-либо», «что-либо»), которое в среднеармянских первоисточниках отличается отсутствием единообразия в написании: Եւ ի հոն բոն ին [mə] շինէի (прот. 182), Նայ տեսայ չոր գանկ ին [mi] պանկած (прот. 185), Ան կողմէն մարմն [marəm] էլաւ ու ըսաւ (прот. 720), Դոն ինձի ցուցի [pagm]

¹ Неслучайно, что заимствование *бровот* [brovot] пять раз употребляется в мартовских протоколах, составленных в разные годы.

² Существительное *букла* в ССЯ считается заимствованием из французского языка посредством турецкого языка (*bukla*) со значением «застежка» [9. С. 126].

³ Ср.: Gdanski pas pukłasty «Выпуклый пояс Гданьска» [13. S. 1328].

(звучит [ragəml]) կու տա՛ւ (прот. 720), Ծեր տ' [m']¹ ալ բարեխօս բերին (прот. 124).

В протоколах это местоимение использовалось с существительными и отличалось как слитным, так и раздельным написанием в различных вариантах: *ми* [mi], *мъ* [mə], *ѣм* [ət], *мъй* [məy]. Например: Եւ Խաչքոյին *բան տ'ի* [mi] ալ չաւի Սարգիսի համար (прот. 226), Եւ Տախնոն ընդդէմ ալմ գանկատին *իրքիւր* [irk'mə] ճուար չտուր եւ աւագ (прот. 272), Եւ նա աւագ թէ ոչ *իրքիւ* [irk'm] (звучит *իրքիւ* [irk'əm]) նշան չունի (прот. 300), պիտի վճարէ Ա (1) *թորւի տ'ի* [mə] անխօս եւ անխառնախ (прот. 99).

О том, что компонент *мъй* [məy] является артиклем неопределенного значения, свидетельствует подчеркнутое в тексте протокола словосочетание *езмъй боловъй* (прот. 494) [yez-məy bolovəy] («какой-то светло-красный вол») – опять со слитным написанием неопределенного артикля *мъй*, который выполняет функцию местоимения. Следует отметить, что прилагательное *боловъй* («светло-красный») заимствовано из украинского языка – «половий» [14. Т. 8. С. 87];

е) неопределенный глагол *заветид* [zavetid] (1574 г.) в сочетании с арм. глаголом *делать* [anel] – *заветид анел* [zavetid anel]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 465). Указанное выражение представляет собой заимствование префиксального образования польского глагола *wiedzieć* [12. S. 615] «знать, ведать, видеть и др.» – *zawiedzieć*, которое в соответствующих словарях не встречается. В предложении «...գեղացի գաւինի տ'ի գաւառակն» ([...geğac'in zavetid anel zmatak'n]) сочетание *заветид анел* [zavetid anel] означает «знать» («...крестьянин знает свою кобылу»);

ж) существительное *ztanea* [ztanea] в протоколах было употреблено два раза². Первый раз в 1573 г. в сочетании *ztanea чтайк* «*գաւինի տ'ի տ'ի*» [ztanea chtayq] в значении «не выносите решение» (прот. 75). Во второй раз в 1575 г. в сочетании *ztanea авитеан* «*գաւինի տ'ի տ'ի*» [ztanea hawitean] в значении («вечный приговор») (прот. 572). Польское слово *zdanie* («мнение, приговор, решение») [11. S. 84; 13. С. 2185; 15. Т. 6. С. 983], которое в двух случаях было употреблено в качестве судебного термина, в данном контексте означает «приговор, вердикт»;

¹ Перед словом с начальным гласным компонент *и* [i] или *ѣ* [ə] артикля [mi] ([mə]) опускался.

² Правда, В. Григорян выражение «*ztanea тал*» [ztanea tal] («выносить решение») в основном переводит словом *решение*.

и) существительное *шлак* [šlakʹ] (1575 г.) – от польского слова *ślak* со значением «естественная дорога», «тропа», «тропинка» [12. S. 604; 13. S. 1638]. Данное слово встречается один раз (прот. 631) в сочетании «դաճարի շլակին վերայ» [dadari šlakʹin veray] («на татарской дороге»³);

к) существительное *своец* [svojec'] (1574 г.) – от польского слова *swojerz* со значением «летний халат» [13. S. 1604]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 283) в перечне слов, обозначающих одежду: «Б (2) *своец*» [2 svojec'] («два летних халата»);

л) существительное *склеп* [sk'lēp'] (1573 г.)⁴ – от польского слова *sklep* («хранилище, подвал, гробница, магазин») [11. С. 493; 13. С. 1491] – в данном случае в значении «магазин». Было употреблено в одном и том же протоколе (прот. 86) 2 раза. Во втором употреблении – в варианте *сглен* [sglēp'] (1573 г.) – встречается в сочетании: «q̄hñ... q̄ñt̄r̄p̄ñt̄h *uṗt̄yñu*. t̄ñ q̄ñt̄r̄ññ

¹ Это слово отметил и С. Григорян [3. С. 57], однако он переводит его как «необузданный, неукротимый», что является ошибкой, поскольку, как уже было отмечено выше, во всех употреблениях речь идет о немощной лошади. На той же странице С. Григорян в ряду новых заимствований приводит также слово *килей* [kilëy] в значении «клей», однако вариант этого слова *клеѣ* [klëy] в ССЯ зафиксирован в отдельной словарной статье [9. С. 375–376]. В словаре отмечается, что это слово не польское, а персидское заимствование и означает «жалоба». По нашим подсчетам, в протоколах варианты *клеѣ* [klëy] и *килей* [kilëy] встречаются 4 раза, во всех случаях в сочетании с армянским глаголом *анел* [anel] («делать») (*клеѣ // килей делать* [kilëy // [kilëy anel]) со значением «обжаловать».

² Cp.: «na nosaciznę chorujący», «*Koń nosaty*» [13. C. 787].

³ В Польше армяне взяли под свой контроль «татарскую дорогу», которая имела большую роль в транзитной торговле.

154

иզիշի ւիշի» [zim <...> znerk'evi sk'lēps ev zveroy sglēps ayl'] («Мой <...> нижний магазин и верхний магазин также»);

м) существительное *колдка* [k'oldk'a] (1574 г.) – от польского слова *kołtek, kołtka* со значением «булавка» [11. S. 248; 13. S. 460]. Было употреблено один раз (прот. 283) в сочетании «Դ (4) ճոխքի բոլորակներ մեծ. ուղեշրջած» [4 *čowft k'òldk'aner meč, voskejrač*] («четыре пары позолоченных больших булавок»). Впрочем, как известно, булавки не считали парами, поэтому не исключаем, что заимствование *колдка* [k'oldk'a] восходит к польскому слову *kołtka, kołczyk* со значением «серьга» [15. Т. 1. S. 1055] («четыре пары позолоченных больших серег»).

Займствования из других языков через польский язык

Следует отметить, что словарный состав польского языка пополнялся заимствованиями и из других языков (латинского, немецкого и др.). Часть этих заимствований опосредованно нашла свое место также в лексиконе польских армян. Заимствованными словами из других языков через польский язык являются:

а) существительное *аквэнд* [akvēnd] (1574 г.) – от польского слова *adwent*, которое является опосредованным заимствованием из латинского *adventus* – «прибытие», «пришествие». В польском языке это слово имело два значения: 1) пришествие, в частности, Пришествие Христа; 2) четырехнедельный (раньше – сорокадневный) период, предшествующий празднику Рождества Христова, в течение которого верующие соблюдали пост [13. S. 7]. В протоколах это слово было употреблено во втором значении и встречается один раз (прот. 461) в сочетании «*аквэнди опер*» [akvēndi oger] («дни *аквэнды*»)¹;

б) существительное *эс* [ēs] восходит к польскому многозначному слову *es* («...2) наименьшая мера веса золота или серебра... 8) датская мера веса = 0,061 грамму»²) [13. S. 300], которое было заимствовано из латинского или датского языков. Встречается в 1573 г. 2 раза (прот. 136): в обоих случаях во множественном числе в сочетаниях «*լոտ ու կէս արծաթի էսներ... էլ արծաթի էսներ ւիշի*» [lod u kēs arçat'e ēsner ew... (arçat'e) ēsner ayl] («лот с половиной серебряных эсов... и прочих [серебряных] эсов»). Примечательно, что множественное число заимствованного односложного слова *эс* [ēs] образуется не с помощью аффикса *-ер* [-er], а от аффикса *-нер* [-ner], что для среднеармянского языка было нехарактерно [16. С. 57];

в) прилагательное *удерфиновий* [udērfinoviy] (1573 г.)³, в основе которого лежит средненемецкое прилагательное *üterfin* от «*äußerstfein*» («изящный»). В лингвистической литературе указывается, что заимствование *uterfin* в

¹ Из содержания данного протокола становится ясно, что в дни адвента армянский суд не работал, судебные заседания откладывались.

² («...2) = najdrobniejsza waga złota lub srebra... 8) = waga duńska = 0,061 gram».

³ Слово не внесено в словари А. Брюкнера и Б. Веслава.

В протоколах опосредованное заимствование *удерфинов* [udərfinovij] было употреблено также в вариантах *утерфинов* [ut'ərfinovij] и *утерфиновъ* [ut'ərfinovəy]. Первые два варианта (прот. 136) встречаются в предложении «Բ(2) հալաւ *նդէրֆինովյ*... եւ Ա (1) նահաւիցաւ ալլի *նդէրֆինովյ*» [2 halaw uderfinovij... ev 1 nahawic'a aylvi ut'ərfinovij] («два *утерфиновых* верхних платья... и одни брюки – также *утерфиновые*...»), а последний вариант (прот. 398) – в сочетании «Ա (1) կանանց *նդէրֆինովյ* չնիւս» [1 kananj ut'ərfinovəy čuxa] («одно зеленое *утерфиновое* сукно»)²;

г) существительное *ոփսլեակ* [ɔpʃlɛak¹] (1574 г.) является заимствованием из немецкого языка через польский [13. С. 824]. Данное слово было употреблено один раз (прот. 283) в сочетании «Բ (2) օպշլեակ բոկրաներով նվէշրած» [2 ɔpʃlɛak¹ buk¹lanerov voskējraç]. Слово зафиксировано в ССЯ в значении «манжета» с пометой «предположительно» [9. С. 825]. Однако с учетом того, что польские лексемы *rukiel*, *pukla* (на «польско-армянском» *букла* [buk¹la]) означают также «пуговицу» [13. С. 1328], можно с уверенностью констатировать, что вышеуказанное армянское сочетание дословно означает «две манжеты с позолоченными пуговицами».

Установлены также случаи, когда другие языки заимствовали слова из польского языка. Подобные заимствования в говорах польских армян в основном происходили из украинского языка. Польскими заимствованиями каменецких армян, которые осуществились посредством украинского языка, являются:

а) существительное *нагавица* [nahawic'a] (1573 г.) восходит к польскому слову *nogawica* («брюки») [11. S. 365; 13. S. 785]. К польским армянам оно перешло через украинский язык, подвергаясь частичному звуковому варьированию [14. Т. 5. С. 439]: об этом свидетельствует наличие армянского звука *h* [h] вместо польского согласного [g], что свойственно украинскому языку. В протоколах встречается один раз (прот. 136) в сочетании «...*h*l Ц

¹ Этот факт свидетельствует о том, что в Польше нежотканую одежду носили в XIV–XVII вв., и в определенной степени является ответом на вопрос о заимствовании и употреблении этого слова поляками.

² Полагаем, что армянских и польских этнографов заинтересует тот факт, что польские армяне носили разнообразную нежнотканую одежду.

(1) նահաւիցաւ ալվի տ'երֆինովի» [...ev 1 nahawic'a. aylvi ut'erfinoviy] («...и одни брюки – также утерфиновые»). Первый гласный *a* [a] в слове *нагавица* [nahawic'a] свидетельствует о том, что каменецкие армяне заимствовали слова в устной форме, т.е. писали слова так, как они произносились;

б) существительное *корчмар* [k'orčmar] (1573 г.) восходит к польскому слову *karczmarz* «трактирщик» [11. S. 220; 13. S. 471]¹. В протоколах данное слово встречается один раз (прот. 72) в сочетании «Рощири Члорѣи ррѣишир» [k'òrəli volok'ēn k'orčmar] («трактирщик Кобѣли Волокен»; по-русски – Волока Кобелевич). Возникшие фонетические трансформации характерны для украинского языка [14. Т. 9. С. 229], поэтому становится очевидным, что польское слово *karczmarz* польские армяне заимствовали через украинский язык²: арм. *корчмар* < укр. *корчмар* < польск. *karczmarz* со соответствующим звуковым варьированием [14. Т. 4. С. 303].

Звуковое варьирование в заимствованных словах в говоре польских армян³

Процессы ассимиляции и диссимиляции в консонантной системе говора польских армян наблюдаются также в заимствованных из польского языка словах и в армянографических польских текстах⁴.

1. В начале слова:

1.1) глухие согласные чередовались со звонкими: польск. *p* > арм. *b* [b]. Например: польские слова *pani*, *panew*, *growod*, *puklaŝty* в говорах польских армян транслитерировались, соответственно, в *бани* [bani], *банов* [banov], *бровот* [brovot], *букласдѣй* [buk'lasdəy].

Однако начальные глухие согласные не всегда озвончались: некоторые слова были приведены с аспирацией согласных (придыхательным

¹ В словаре С. Казаряна и Г. Аветисяна есть словарная статья *рорѣиш корчма* – со значением «трактир» [9. С. 821], тогда как исследуемое нами слово *ррѣишир* / *корчмарь* [k'orčmar] в указанном словаре не представлено.

² Говоря о заимствовании слова *корчма* [karczma], М. Казарян отмечает, что зафиксированный в нем переход польск. *a* [a] в арм. *o* [o] обусловлен либо диалектным произношением польского языка, либо влиянием украинского языка [9. С. 103].

³ Армянскую транскрипцию польских заимствований довольно основательно изучил М. Казарян, однако он рассматривает только те словарные единицы, которые есть в словаре С. Казаряна и Г. Аветисяна [9. С. 101–105].

⁴ Для того, чтобы дать более детальное представление о звуковом варьировании в консонантной системе польских заимствований, приведем в качестве примера запротоколированную армянскими буквами одну строку на польском языке (прот. 27): «...ւաւնէնլոյ րաւնս Ֆիւրիիւայ. մէշանիւս ի քուրքս քիւրօւքնէլոյ...» [slawnekoj bana fitrixa, meščanina i k'ubc'a k'ak'ovsk'ekoy], которая является транслитерацией польского выражения «... sławnego pana Friedricha mechanina i kupca Krakowskiego...» и произносится следующим образом: slawneko bana fitrixa, meščanina i k'ubc'a k'ak'ovsk'eko...

оглушением), например: польск. *p* > арм. *n* [pʰ] *pukłasty* > *пулкасдъй* [pʰukʰlasdəy], польск. *k* > арм. *к* [kʰ]; *kołtka* > *колдка* [kʰoldkʰa];

1.2) звонкие согласные чередовались с глухими. Например: польск. *b* > арм. *n* [p]; польск. *purmistrz* > арм. *пурмисдър* [purmisdŕ] (прот. 149)¹.

2. В середине слова:

2.1) произошло озвончение глухих согласных: польск. *t* > арм. *ð* [d], например: *nosaty* > арм. *носадъй* [nosadəy], *kołtka* > *колдка* [kʰoldkʰa], *pukłasty* > *букласдъй* [bukʰlasdəy], *nykłasty* [pʰukʰlasdəy] или польск. *k* > арм. *г* [g], например: *sklep* > арм. *сглен* [sglɛpʰ] и др.;

Впрочем, в трех из вышеприведенных слов произошла также аспирация глухого *k* в арм. *к* [kʰ] в середине слова: польск. *kołtka* > арм. *колдка* [kʰoldkʰa], польск. *pukłasty* > арм. *букласдъй* [bukʰlasdəy], *nykłasty* [pʰukʰlasdəy], польск. *sklep* > арм. *склен* [skʰlɛpʰ];

2.2) произошло также оглушение звонких согласных: польск. *b* > арм. *n* [p]; польск. *obszlegą* > арм. *опшлеак* [ɔpʂlɛakʰ].

Варьированию подвергся также звонкий согласный (польск. *d* > арм. *l* [k]) в заимствованном слове *adwent* – *аквенд* [akvɛnd]. Это было бы естественным, если вместо указанного варьирования произошло бы эквивалентное оглушение польск. *d* > арм. *in* [t] – *атвенд* [atvɛnd]. Полагаем, что указанное чередование является результатом оплошности секретаря суда.

3. На конце слова:

3.1) звонкие согласные оглушаются: польск. *d* > арм. *in* [t] *prowod* > арм. *бровот* [brovot];

3.2) глухие звуки озвончаются: польск. *t* > арм. *η* [d] *adwent* > арм. *атвенд* [atvɛnd].

Однако в конце слова польский глухой согласный [k] чередуется также с армянским придыхательным *p* [kʰ]: польск. *szlak* > арм. *шлак* [ʂlakʰ], польск. *sklep* > арм. *склен* [skʰlɛpʰ].

Произошло также варьирование армянского звонкого согласного *ð* [d] в позиции перед гласным с мягким глухим *ć*: *zawiedzieć* > *заведум* [zavetid]. Авторы статьи в тексте не разграничивают чередование как закономерное явление и варьирование, вызванное разной субституцией.

Указанная неоднотипность и параллельные формы можно объяснить непоследовательностью судебных секретарей и (или) наличием разных диалектов каменецких армян. Эта неоднотипность и параллелизм в то же время свидетельствуют о том, что в говорах польских армян, в частности каменецких армян, транслитерация на армянский язык заимствований была ненормированной, что проявляется в многочисленных вариантах варьирований даже в протоколах, составленных одним и тем же секретарем.

Отметим также другие случаи варьирований, которые встречаются в заимствованиях из польского языка:

¹ В исследуемых словах подобные варьирования не были зафиксированы.

1. В протоколах дифференцируются позиционные варианты произношения звука [r] в заимствованных словах и армянские сонорные согласные: альвеолярный дрожащий *п* [r] или увулярный дрожащий *п* [ʀ]. Однако следует отметить, что независимо от позиции и формы произношения польский звук *r* преимущественно транслитерируется как армянский альвеолярный дрожащий *п* [r]. Так, звук [r] в словах, заимствованных из польского языка (*karczmarz*, *uterfinowy*, *growady*) в говоре каменецких армян транслитерируется, соответственно, в *корчмар* [k'orġmar], *утерфиновий* [ut'ĕrfinoviy], *бровот* [brovot]. Вместе с тем параллельно с указанными языковыми фактами в некоторых словах прослеживается нерегулярность: польское заимствованное слово *jařmark* («ярмарка»), например, употребляется в двух параллельных вариантах: *еармарк* [earmark'] (прот. 70, 396, 517 и др.) и *еармарк* [earmark'] (прот. 13, 28, 528 и др.) и др.¹

2. В заимствованных словах с конечным звуком [y] в армянском языке происходит следующее варьирование: польск. *y* > арм. ъй [əy] или *y* > ый [iy]. Так, польские прилагательные *posaty* и *pukłasty* транслитерировались в армянских текстах, соответственно, в *носадъй* [nosadəy] и *букласдъй* [buk'lasdəy]; заимствованное слово *uterfinowy* в одном случае транслитерировалось в *утерфиновий* [ut'ĕrfinoviy], а в другом – в *утерфиновъй* [ut'ĕrfinovəy]. По нашему мнению, подобный параллелизм обусловлен не особенностями говора польских, в частности, каменецких армян, а непосредственностью секретарей. Заметим также, что вышеуказанные два изменения звука *y* > ъй [əy] и *y* > ый [iy] нехарактерны не только для «польско-армянского» и сренеармянского языков, но и для литературного армянского языка на всем протяжении его развития. Из этих вариантов звуку [y] по возможности соответствует вариант *y* > арм. ъй [əy], так как в варианте *y* > ый [iy] не отражается твердость звука [y]. Однако польское заимствование *posaty* в одном из армянских текстов передано не в форме *y* > ъй [əy] или *y* > ый [iy], а в форме дифтонга *y* > эй [ēy], что, по нашему мнению, является результатом ошибки секретаря.

В то же время надо отметить и противоположное явление: в середине заимствованного слова *wiedzieć* < *zawiedzieć* произошло упрощение польского дифтонга *ie* (в первом случае он был заменен армянским гласным *e* [e], во втором – гласным *i* [i]): *заветид* [zavetid].

¹ Хотя М. Казарян считает, что письменное *r* в середине и на конце заимствованных польских слов соответствует букве *п* армянского алфавита, а в начале слова – букве *п* [r] [9. С. 103], однако далеко не все языковые факты свидетельствуют об этом. Приведем только один пример: собственное имя *Romaszko* в одном и том же протоколе (прот. 2) в одном случае транслитерируется как *Րոմաշկո* [ŕomašk'o], а в другом – как *Րոմաշքո* [Romašk'o]. Это обусловлено особенностями говора польских армян, в котором замечается нерегулярность даже в написании исконно армянских слов, т.е. наблюдается тенденция транслитерации звука *п* [r] в *п* [r] и звука *п* [r] в *п* [ʀ]. Так, армянское слово *тор* [t'orġ] («внук») было зафиксировано в форме *дор* [dor] (прот. 35), слово *тур* [t'owrġ] («острый») – в форме *тур* [t'owrġ] (прот. 149), слово *ранчпар* [raņġpar] («крестьянин») – в форме *рнйццшр* [raņġpar] (прот. 6) и т.д.

На конце польского слова *zдание* произошло также чередование дифтонга (польск. *ie* > арм. *ea* [ea]), так как на конце слова в среднеармянском языке, в том числе и в «польско-армянском», были характерны не звуковые сочетания *ue* [ie] или *uē* [iē], а дифтонги *ua* [ia] или *ea* [ea].

3. Носовой гласный *ą* в середине польских слов *pukłąsty* и *szłąk* в «польско-армянском» языке произносится как *a* [a]: *букластьи* [bukˈlasdɛy], *шлак* [ʃlakˈ], так как в среднеармянском и в современном литературном армянском языках другие варианты фонемы звука *a* [a] не различаются¹, а фонема *a* во всех звуковых вариантах заимствований в армянском языке произносится как нелабиализованный гласный заднего ряда и нижнего подъема.

4. Польский полугласный *ɨ* в заимствующем языке звучит как заднеязычный сонорный *л* [l]: *kołtka* > *колдка* [kˈoldkˈa], *szłąk* > *шлак* [ʃlakˈ].

5. Звуковое конечное сочетание *rz* польского слова *swojerz* в «польско-армянском» звучит приблизительно как *ж* [ʒ]. Данное диграфическое сочетание на конце слова, находящееся после дифтонга *йэ* [ye], вызывало у армян определенные произносительные трудности, поэтому было заменено армянским придыхательным глухим согласным *ц* [cˈ]. Произошла адаптация, в данном случае – придыхательное оглушение звуко сочетания *rz* – *swojerz* > *своец* [svojecˈ].

6. Наблюдались фонетические особенности в польских заимствованных словах, детерминированные украинским произношением: а) в слове *karczmarz* в армянском языке произошло варьирование гласного *a* [a] в середине слова с *o* [o]; конечное *rz* в звуковом сочетании было транслитерировано как армянский простой сонорный согласный *р* [r]: *корчмар* [kˈorčmar]²; б) гласный [o] в слове *poławica* в армянском языке трансформировался в *a* [a]: *наловица* [nahawicˈa].

Заключение

Протоколы заседаний армянского суда города Каменца в целом дают общее представление о польско-армянской колонии, об адаптации к новой среде, а в дальнейшем и о полной ее интеграции. Об этом свидетельствуют непосредственные заимствования из польского языка и опосредованные заимствования через польский язык из других языков и через другие языки из польского языка, которые относятся к различным сферам общественной жизни (судебно-правовой, финансово-экономической, социальной, экономической, бытовой, духовной и т.д.). Часть этого лексического фонда в

¹ Из особенностей армянского алфавита является то, что не имеет звуко различительные (диакритические) дополнительные знаки, поэтому сегодня трудно сказать, как в реальности польские армяне произносили некоторые звуки заимствованных слов.

² В противоположность сказанному, конечный согласный *rz* заимствованного непосредственно из польского языка слова *swojerz* транслитерировался не просто в армянский сонорный *р* [r], а в придыхательную глухую аффрикату *ц* [cˈ].

лингвистическом плане либо изучена поверхностно, либо до сих пор ждет надлежащего исследования.

В протоколах встречаются неоднотипные фонетические системы и грамматические средства выражения как древнеармянского, так и среднеармянского лексических пластов. Одним из важных факторов, способствующих этой неоднотипности, является то, что армянская каменецкая колония, хотя существовала еще с XI в., тем не менее постоянно пополнялась новыми переселенцами, прибывавшими из разных областей Армении и Киликийского армянского царства. Это обусловлено тем, что Каменец занимал выгодное географическое и торгово-экономическое положение в регионе. Естественно, что армяне-переселенцы были носителями своих определенных диалектов, поэтому можно предположить, что в языковом отношении они существенно отличались от тех своих соотечественников, которые уже несколько веков жили в этой среде.

Замеченные неоднотипные транслитерации могут быть обусловлены также непоследовательностью судебного секретаря, носителем другого диалекта или следствием субъективного восприятия семантики слова. Неоднотипные звуковые изменения происходили во всех позициях слова, и звуковому варьированию подвергались не только лексемы, унаследованные из древнеармянского языка, но и заимствования из других языков.

Для армянского диалекта, в частности и для говора польских армян, была характерна трехступенчатая консонантная система, в которой, однако, уже произошли позиционные фонетические процессы, что распространилось также на звуковую систему заимствованных слов.

Варианты и параллельные формы звуковых чередований свидетельствуют о том, что армянская транслитерация заимствованных слов была ненормирована, она имела спонтанный характер и решала лишь вопрос предоставления необходимой информации. Неслучайно, что транслитерированные параллельные формы одного и того же заимствованного слова встречаются в протоколах в пределах одного контекста в том числе на одной строке.

Список источников

1. *Казарян М.С.* Европейские заимствования в среднеармянском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 2000. 139 с.
2. *Казарян Р.С.* Лексический запас среднеармянского языка. Ереван : Изд-во Ереванского государственного университета, 2001. 225 с.
3. *Григорян С.* Польские заимствования в среднеармянском языке // Научный журнал. Ереван: Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, 2017. № 2. С. 55–62.
4. *Хачатрян Г.К.* Имена собственные в протоколах армянского суда Каменца (XVI в.) // Историко-филологический журнал. 2020. № 1. С. 149–162.
5. *Хачатрян Г.К.* Грамматические структурные схемы имен собственных и их связи с сопутствующими словами в протоколах армянского суда Каменца (XVI в.) // Официальный журнал Кафедрального Собора Святого Эчмиадзина при Католикосате Всех Армян «Эчмиадзин». 2021. Январь, № 1. С. 91–105; Февраль, № 2. С. 74–85.

6. *Протоколы армянского суда города Каменец-Подольского (XVI в.)* // Составитель В. Григорян. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1963. 350 с.
7. *Айтынян А.П.* Изучение грамматики новоармянского, или современного армянского языка. Вена : Типография Конгрегации Мхитаристов, 1866. 839 с.
8. *Ованнисян П.Г.* Армянские колонии Польши в XVI–XVII веках // Официальный журнал Кафедрального Собора Святого Эчмиадзина при Католикосате Всех Армян «Эчмиадзин». 2009. № 1. С. 63–68.
9. *Казарян Р.С., Аветисян Г.М.* Словарь среднеармянского языка. Ереван : Изд-во Ереванского государственного университета, 2009. 700 с.
10. *Алишан Г.М.* Каменец. Летопись армян Польши и Румынии. Венеция : Типография Мхитаристов Святого Лазаря, 1896. 276 с.
11. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego, tom pierwszy. T. 1: A-O. Kraków : Wydawca Krakowska Spółka Wydawnicza, 1927. 1208 s.
12. *Wiesław B.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków : Wydawnictwo Literackie, 2008. T. 1. 862 s.
13. *Edycja elektroniczna Słownika wileńskiego.* Kierownik projektu Małgorzata B. Majewska. Prace informatyczne Mateusz Żółtak. 2014. URL: <https://eswil.ijp.pan.pl/index.php>
14. *Словник української мови* : в 11 т. / ред. Р.В. Макарович. Киев : Наукова думка, 1978. Т. IV. 840 с.; Т. V. 840 с.; Т. VIII. 927 с.; Т. IX. 916 с.
15. *Samuel Bogumił Linde.* Słownik języka polskiego. T. I, część II, G-L. Warszawa : Drukarnia XX. Piłarów, 1808. 1322 s.
16. *Очерки истории среднеармянского литературного языка.* Т. II / под ред. Г.Б. Джаукяна. Ереван : Изд-во АН Армянской ССР, 1975. 304 с.
17. *Bulyka A.M.* Dafinija zapazycanni belaruskaj movy. Minsk : Navuka i Technika, 1972. 380 s. URL: https://www.researchgate.net/publication/346561964_433-Article_Text-1474-1-10-20200124

References

1. Kazaryan, M.S. (2000) *Evropeyskie zaimstvovaniya v srednearmyanskom yazyke* [European Loanwords in Middle Armenian]. Philology Cand. Diss. Yerevan.
2. Kazaryan, R.S. (2001) *Leksicheskiy zapas srednearmyanskogo yazyka* [Lexical Stock of Middle Armenian]. Yerevan: Yerevan State University.
3. Grigoryan, S. (2017) Pol'skie zaimstvovaniya v srednearmyanskom yazyke [Polish Loanwords in Middle Armenian]. *Nauchnyy zhurnal*. 2. pp. 55–62.
4. Khachatryan, G.K. (2020) Imena sobstvennye v protokolakh armyanskogo suda Kamentsa (XVI v.) [Proper Names in the Protocols of the Armenian Court of Kamianets (16th century)]. *Istoriko-filologicheskiiy zhurnal*. 1. pp. 149–162.
5. Khachatryan, G.K. (2021) Grammaticheskie strukturnye skhemy imen sobstvennykh i ikh svyazi s soputstvuyushchimi slovami v protokolakh armyanskogo suda Kamentsa (XVI v.) [Grammatical Structural Patterns of Proper Names and Their Connections with Accompanying Words in the Protocols of the Armenian Court of Kamianets (16th century)]. *Echmiadzin*. January (1). pp. 91–105; February (2). pp. 74–85.
6. Grigoryan, V. (ed.) (1963) *Protokoly armyanskogo suda goroda Kamenets-Podol'skogo (XVI v.)* [Protocols of the Armenian Court of Kamianets-Podil'skiy (16th century)]. Yerevan: Academy of Sciences of Armenian SSR.
7. Aytinyan, A.P. (1866) *Izuchenie grammatiki novoarmyanskogo, ili sovremennogo armyanskogo yazyka* [Study of New Armenian or Modern Armenian Grammar]. Vienna: Mekhitarist Press.
8. Ovanisyan, P.G. (2009) Armyanskie kolonii Pol'shi v XVI–XVII vekakh [Armenian Colonies in Poland in the 16th–17th Centuries]. *Echmiadzin*. 1. pp. 63–68.

9. Kazaryan, R.S. & Avetisyan, G.M. (2009) *Slovar' srednearmyanskogo yazyka* [Dictionary of Middle Armenian]. Yerevan: Yerevan State University.
10. Alishan, G.M. (1896) *Kamenets. Letopis' arмян Pol'shi i Rumynii* [Kamianets: Chronicle of Armenians in Poland and Romania]. Venice: St. Lazarus Mekhitarist Press.
11. Brückner, A. (1927) *Słownik etymologiczny języka polskiego, tom pierwszy, A–O*. Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza.
12. Wiesław, B. (2008) *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
13. Majewska, M.B. (project lead) & Żółtak, M. (technical work) (2014) *Edycja elektroniczna Słownika wileńskiego*. [Online] Available from: <https://eswil.ijp.pan.pl/index.php>
14. Makarovich, R.V. (ed.) (1978) *Slovník ukrajinských jazyků: v 11-ti tomach* [Dictionary of Ukrainian Language: in 11 volumes]. Vol. 4 (840 p.), Vol. 5 (840 p.), Vol. 8 (927 p.), Vol. 9 (916 p.). Kyiv: Naukova Dumka.
15. Linde, S.B. (1808) *Słownik języka polskiego*. Tom I, część II, G–L. Warsaw: Piarist Printing House.
16. Jahukyan, G.B. (ed.) (1975) *Ocherki istorii srednearmyanskogo literaturnogo yazyka* [Essays on the History of Middle Armenian Literary Language]. Vol. 2. Yerevan: Academy of Sciences of Armenian SSR.
17. Bulyka, A.M. (1972) *Dafinija zapazycanni belaruskaj movy* [Daphnia of Belarusian Language Preservation]. Minsk: Nauka i Tekhnika. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/346561964_433-Article_Text-1474-1-10-20200124 (In Belarusian).

Информация об авторах:

Хачатрян Г.К. – д-р филол. наук, профессор кафедры армянского языка и литературы Ванадзорского государственного университета (Ванадзор, Республика Армения). E-mail: gxachatryan@yahoo.com

Барсегян С.С. – преподаватель кафедры иностранных языков и литературы Ванадзорского государственного университета (Ванадзор, Республика Армения). E-mail: svetlana-barsegyan@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.K. Khachatryan, Dr. Sci. (Philology), professor, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: gxachatryan@yahoo.com

S.S. Barseghyan, lecturer, Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: svetlana-barsegyan@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.10.2023;
одобрена после рецензирования 21.10.2024; принята к публикации 19.05.2025.*

*The article was submitted 25.10.2023;
approved after reviewing 21.10.2024; accepted for publication 19.05.2025.*